

Е. КУСКОВА

Религия мести

I

Что было самым отвратительным в большевизме, это культ мести. Маленьких детей считали преступниками за то, что они смели родиться от помещика, чиновника, дворянина. Что они — люди белой кости. С другой стороны, людям черной кости внушалось: вот твой классовый враг... Бей всячески... В такие психопатические времена, как наше, внушение даром не проходит. Оно — не пустой звук. Оно — заражает, воспитывает, оно — сила. Вот почему так быстро разливается зараза классово-ненависти, мести — без пощады и без «слюнявой человечности». Гуманизм — не в моде.

Однако было бы вопиющей несправедливостью решительно все валить на большевизм. Вот, дескать, черти против святых... Ужас положения в том, что все стали до известной степени чертями. Одни захлебываются от сладострастного удовольствия при священном имени Муссолини, при словах «сильная, твердая власть», другие повторяют бессмысленные слова о «святой мести», совершенно забывая, в какой горючей для всякой ненависти атмосфере мы живем. И лишь слабый голос какой-нибудь организации вроде «Лиги защиты прав человека и гражданина» напомнит иногда об иных принципах и иных заветах. В Праге Педагогическим бюро издана книга «Дети эмиграции» — анкета о пережитом, собранная среди более чем 2000 эмигрантских детей. Здесь не место входить в обсуждение, насколько целесообразно с педагогической точки зрения вызывать в детской памяти чудовищные образы и эпизоды русской революции. Этот вопрос заслуживает особого обсуждения особенно потому, что не все правдиво и не все «из пережитого» в этой книге детских показаний. Много есть от взрослых, от слышанного, от мнений, большею частью чужих, а не от соображений самого ребенка.

Опасность подобного рода эксперимента поняли сами педагоги. Они снабдили книгу своими статьями, в которых поднимают вопрос о *месте* за пережитое. Они говорят о желательности прощения, о нежелательности мести... Разбудив в детях демона злобы, они пытаются убрать его обратно педагогическими наставлениями...

Вот на это-то деяние педагогов и набрасывается буквально с пеной у рта г. Арцыбашев¹ в № 194 газеты «За свободу»². «Категорически отрицаю, — пишет он, — мертвую мораль всепрощения, может быть, и очень прекрасную в идеале, но в действительной жизни выгодную только для мерзавцев и преступников всякого рода... Нет, русские дети, не забывайте никогда, что сделали с вашей родиной, с вашими отцами, братьями, сестрами и матерями, с вами самими. *Если мы окажемся способными это забыть и простить, то, значит, мы были достойны того, что с нами сделали...* Но и умирая, мы сохраним и унесем в могилу то последнее, что у нас осталось: “Мой третий клад — святую месть”». То, что г. Арцыбашев преподносит детям и публике в публицистике, проф. Ильин облекает в форму философии религии. Он всюду читает доклады о допустимости поправа зла с точки зрения православия. И тоже — «святая месть»... Месть, святая месть становится понятием модным, завлекательным, заполняющим пустоту души.

Как к этой проповеди относиться? Совершенно определено: она отвратительна с моральной стороны; она опасна — с практической.

Разберем сначала моральную сторону этой проповеди. В России никогда не имела успеха теория непротивления злу Толстого. Именно Россия явила миру образы борцов революционного типа. Желябов, Перовская³, сотни других борцов отдавали жизнь за *отпор злу*. Но террор народовольцев был прежде всего *орудием борьбы со злом*, он был действенной силой, направленной прямо против врага. Правда, часто это квалифицировалось не как орудие борьбы, а как орудие мести: казнь за казнь. Но главное значение террора было в борьбе со злом, в прямой с ним схватке, в *отпоре злу*, а не в мести.

Как бы ни относиться к террору с точки зрения его политической целесообразности, как орудия борьбы, моральная высота его носителей не оспаривается даже его яркими противниками: это был подлинный героизм и самопожертвование во имя *отпора*, во имя *прямой борьбы, на месте совершения зла*.

Вот этого качества нет в писаниях г. Арцыбашева и г. Ильина. Оба они жили в России в самые страшные периоды больше-

вистского террора, когда мысль работала лишь в одном направлении: *как этому дать отпор?* Как остановить? Как спасти? Как уменьшить жертвы? Вот в это время не было слышно голосов ни г. Арцыбашева, ни г. Ильина. Там, на месте зла, они ни сами не ввязывались в борьбу, ни других не звали к «святой мести». Запомнилась также недавняя статья г. Арцыбашева об отъезде в Россию покойного Бориса Викторовича Савинкова. Он, говорит, ехал на совершение акта... Отчасти и потому, что я, Арцыбашев, писал ему об этом. Помню, с каким отвращением прочла я тогда это место... Я, Арцыбашев, пишу ему, Савинкову, чтобы он, Савинков, совершил акт мести или борьбы, все равно... Не стесняется также г. Арцыбашев обзывать всю эмиграцию воблой, слякотью и пр. Ну отчего бы ему в *бытность свою там, в России*, не показать доблестного примера? Здесь он ссылается на пример Фанни Каплан и Канегиссера⁴. Всегда убедительнее свой пример, а не чужой, убедительнее сказать — я убил, я убью, чем повторять в каждой почти статье «*пусть он убьет*», «*он убил*»... Теперь она взывает к детям: мстите, не забывайте, ненавидьте. А я?.. Ну, а я буду писать об этом, сидя в Варшаве... Ибо пять лет прожил в самом пекле зла, не догадавшись совершить ни одного акта «святой мести». Тогда бы лучше... А не теперь, *post factum*...

«Если мы, — пишет г. Арцыбашев, — окажемся способными это забыть, простить, то, значит, мы были достойны того, что с нами сделали». Не так построена фраза. Да, мы достойны того, что с нами сделали, ибо *не смогли дать отпора там, на месте зла*. Не кто-то что-то сделал с нами, а мы сами не нашли или *не могли найти средств* для парализования зла в момент его разлития и атаки. Даже лучшие люди белого движения гораздо меньше думали о способах отпора, чем о карах и мести за совершенное. Воблой русские люди оказались не здесь, в эмиграции, когда из-под ног их уже уплыла почва, арена для борьбы со злом, а там, на месте, где это зло начиналось, где оно разливалось, как при ветре лесной пожар. Там не хватило сил, там и проиграли сражение. А теперь, сидя здесь, в относительной безопасности, учат малых детей святой мести... Поздно и...

II

Призыв к мести находит достойных слушателей, найдет он и исполнителей — на другой день после победы... мстителей. Какого рода эта святая месть? самого различного, в зависимости

от темперамента. Вот широко распространяется брошюра какого-то А. Д-на «Евреи в России»⁵. Брошюра имеет три главы, написанные куда более страстно, чем советы г. Арцыбашева Савинкову «убить их». Глава первая — исторические справки. Глава вторая — преступление евреев. Глава третья — возмездие. Первые главы обычны для такого рода произведений: большевизм — это дело исключительно еврейства. Дается соответствующая порция «истории». Факты приводят к общему выводу: «Евреи достигли своих стремлений — от царской России ничего не осталось. Евреи празднуют свою победу, овладев шестой частью земного шара и упиваясь кровью 140-миллионного населения России. В этом отношении мировое еврейство превзошло свою секту хасидов».

Однако, несмотря на «победу евреев», придет время, когда победит какое-то «законное русское правительство». Это русское и законное правительство прежде всего должно будет заняться актами «святой мести», возмездия. «Русский народ по природе своей добр и в своем историческом существовании много претерпел. *Но простить евреев — значило бы показать рабское понимание событий и своей силы; простить евреев — значило бы выказать преступное национальное малодушие. Ибо, чтобы простить, надо забыть все то, что ими содеяно, надо предоставить евреям захваченное ими положение командующих. Но разве можно забыть, когда... будут постоянно вспоминаться, чудиться и мерещиться предсмертные стоны, хрипы и крики замученных в чека и расстрелянных родителей, детей, родных и друзей?»*

«Всех евреев, — продолжает автор, — надо разделить на четыре категории. Первая — самая влиятельная. Для них, евреев первой категории, *не может и не должно быть нигде, никогда, никакой пощады*» (курсив автора). К ним примыкает вторая категория — еврейская молодежь, этот главный пособник революции. «На совести их лежит истребление бесчисленных жертв христианского населения. Поэтому и эта категория евреев не заслуживает помилования». А так как при приходе законного русского правительства евреи разбегутся с чужими паспортами, то «всему заграничному обществу и властям» надо быть осторожными и, не полагаясь на паспорт, *посматривать на носы и уши предъявителей*». Третья и четвертая категории — менее виновные. Это — пожилые евреи и т. д., и т. д. Так вот, эти «менее виновные» и «составят козлице отпущения за все прегрешения их собратьев и всего еврейства против России: на них обрушится весь гнев народный». Ну а затем, когда чувство мес-

ти будет насыщено, законное русское правительство должно будет «восстановить существовавшее до войны и революции положение вещей со всеми бывшими тогда для евреев ограничениями». Кроме того, следует «признать всех евреев в России иностранцами, лишенными поэтому всех прав политических и ограниченных в правах гражданства».

III

Человеку, стоящему на точке зрения арцыбашевской святой мести, нельзя запретить плести весь этот кровавый бред, нельзя запретить искать виновных там, где он их видит сообразно своему пониманию: этот человек, быть может, был самым отъявленным трусом в тот момент, когда нужно было не мстить, а дать *отпор* осуществляемому насилию. Но при «законном русском правительстве» он расправит свои трусливые члены и будет яростно отдаваться «чувству святой мести». Особенно если за спиной его будет стоять «подходящее правительство». Люди, не способные к отпору прямому и опасному, так часто бывают невероятно злы в мести за каким-нибудь прикрытием...

Педагогический съезд в Праге в июле этого года вынес резолюцию, обращенную к России. В ней он протестует против «системы, сознательно прививающей детям чувство классовой ненависти и вовлекающей детей в борьбу с верой и Церковью». Нужная резолюция. Но к ней надо было бы прибавить вторую: против людей, призывающих в наше зверское время к «святой мести» против *никому не известного* виновника. Ибо нет такого человека, который с персональной точностью указал бы виновных за *преступления революции*. Призывать же к мести какому-то неизвестному коллективу — значит идти по дороге произвола и нередко попадать в кроваво-злобные объятия автора вышеуказанной брошюры. Люди, не сумевшие дать отпор своевременно, не должны призывать к мести. Они должны осознать происшедшее и закалить себя не для советов Савинковым, а для собственной активной борьбы.

